

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Дом, в котором нет тебя
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Шелковая паутина
Женские фантазии
Мужские капризы
Мисс Паинька
Упасть в твои объятия
Невеста с сюрпризом

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Единственная наследница
Верная жена

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Вторая попытка
Французские каникулы
Возраст любви
Большая девочка
Алмазный браслет

ДАНИЭЛА СТИЛ

Алмазный
браслет

ЭКСПО
МОСКВА
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 80

Danielle Steel
IMPOSSIBLE

Copyright © 2005 by Danielle Steel

Перевод с английского *С. Володиной*

Художественное оформление *С. Власова*

В авторской серии роман выходил
под названием «НеВозможно!»

Стил Д.

С 80 Алмазный браслет / Даниэла Стил ; [пер. с англ. С. Б. Володиной]. — М. : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-70716-4

Она — успешная бизнес-леди, аристократка, хозяйка престижной парижской галереи, мать двоих взрослых детей. Он — молодой, одаренный, но не признанный художник, разгильдяй и бунтарь. За плечами каждого из них — радости и печали прошлого. Линии их жизней, казалось, никогда не могли бы пересечься. Но есть мощная сила, которая разрушает все правила и делает жизнь прекрасней.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Володина С.,
перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-70716-4

Моим замечательным, необыкновенным, любящим детям — Беатрис, Тревору, Тодду, Нику, Саманте, Виктории, Ванессе, Максусу и Заре, которые наполняют мою жизнь не только смыслом, но и радостью, счастьем и любовью во всех ее проявлениях. Как мне повезло в жизни, что у меня есть вы, с вашим смехом, любовью и всеми прекрасными мгновениями, которые мы проживаем вместе. Не устаю радоваться вам, благодарить и ценить вас больше, чем можно выразить словами. Пусть когда-нибудь господь одарит вас такими же чудесными детьми, какими вы являетесь для меня.

С любовью, мама

— **А** как это — приручить?
— Это давно забытое понятие... Оно о-
начает: создать узы.

— Узы?

— Вот именно... — сказал Лис. — Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен... Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

...Если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища... Как чудесно будет, когда ты меня приручишь!..

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста, приручи меня!

— Я был бы рад, — отвечал Маленький принц, — но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

— Узнать можно только те вещи, которые приручишь, — сказал Лис. — У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, которые торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

— А что для этого надо делать? — спросил Маленький принц.

— Надо запастись терпением, — ответил Лис. — Сперва сядь вон там, поодаль, на траву, — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

... — Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким прежде был мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он — единственный в целом свете.

*Антуан де Сент-Экзюпери,
«Маленький принц»¹*

---

¹ Пер. Н. Галь.

Глава 1

Галерея «Сювери» в Париже занимала элегантный особняк XVIII века в предместье Сент-Оноре. Коллекционеры приезжали сюда по предварительной договоренности и через калитку в массивных воротах попадали во внутренний двор. В центральной части здания размещалась основная галерея, в левом крыле — офисы ее владельца Симона де Сювери. А справа располагалось современное крыло, пристроенное к галерее его дочерью. За домом раскинулся живописный сад со множеством скульптур, в большинстве — родеоновских. Симон Сювери владел галереей уже более сорока лет. Его отец, Антуан, в свое время был одним из самых прославленных европейских коллекционеров, а Симон, прежде чем открыть галерею, занимался исследованием живописи Возрождения и голландских мастеров. Теперь к нему за консультациями обращались музеи всей Европы. Частным коллекционерам он внушал благоговение, а всем, кто был с ним знаком, — восхищение и отчасти страх.

Симон де Сювери имел внушительную внешность. Высокий, могучего телосложения, с суровыми чертами лица и темными глазами, которые, казалось, пронизывали тебя насквозь. Жениться Симон не спешил. В молодости он был слишком занят созданием своего дела, чтобы тратить время на любовные похождения. Женился он поздно — в сорок лет, на дочери влиятельного американского коллекционера. Это был удачный, можно сказать — счастливый союз. Марджори де Сювери никогда напрямую не встревала в дела галереи, которая к моменту ее замужества уже прочно стояла на ногах. Она восхищалась плодами трудов своего супруга. Она любила его всем сердцем и страстно интересовалась всем, что он делает. Марджори была художница, но так и не научилась без сердечного волнения демонстрировать свои работы. Она писала изящные пейзажи и портреты и раздаривала их друзьям. По правде сказать, Симон имел слабость к ее работам, хотя в профессиональном отношении они его не впечатляли. Во всем, что касалось галереи, Симон был беспощаден и решителен. Воля у него была стальная, ум — острый, как алмаз, чутье — тонкое и безошибочное. И глубоко под всем этим скрывалось — и никогда не показывалось — нежное сердце. Точнее, так говорила Марджори. Хотя верили ей не все. С подчиненными он был справедлив, с клиентами — честен, а в погоне за ценными для галереи приобретениями — неутомим. Бывало, годы уходили на то, чтобы раздобыть какое-то конкретное полотно или скульптуру, но Симон никогда не останавливался

на достигнутом. Точно так же, будучи холостым, он искал себе жену. А заполучив, хранил ее как величайшее сокровище — то есть держал при себе. В обществе он появлялся лишь тогда, когда это было необходимо — обычно это были приемы для клиентов в одном из флигелей здания.

Обзавестись детьми они решились не сразу. Вообще-то, это было решение Симона, и ребенок появился только спустя десять лет после их бракосочетания. Зная, что Марджори жаждет детей, Симон наконец внял ее мольбам, а когда родилась дочка, а не сын, почти не огорчился. Когда родилась Саша, Симону было уже пятьдесят, а Марджори — тридцать девять. Саша сразу же стала для матери светом в окошке. Они были неразлучны. Марджори многие часы проводила с малышкой, они вместе смеялись, распевали песенки, играли в саду. Когда Саша пошла в школу и они оказались разлучены, Марджори почти что погрузилась в траур. Саша была очаровательным и ласковым ребенком. Темноволосая и смуглая, как отец, она обладала воздушной нежностью своей матери. Марджори была голубоглазой блондинкой с ангельским личиком и походила на мадонну с итальянских полотен. У Саши, как и у матери, были нежные черты лица, а волосы и глаза — темные, в отца, но в отличие от обоих родителей девочка была невысокая и хрупкая. Отец любил ее поддразнивать и называл ребенком в миниатюре. Но в характере у Саши не было ничего мелкого или слабого. Она оказалась наделена стальной волей, как отец, и теплотой и нежностью, как мать, и с

ранних лет демонстрировала унаследованную от отца целеустремленность. Тот стал воспринимать дочь всерьез, лишь когда ей исполнилось четыре или пять лет, и с тех пор говорил с ней только об искусстве. В свободные минуты он показывал дочери галерею, рассказывал о разных художниках, учил распознавать их кисть и показывал репродукции в альбомах. Едва она научилась писать, как он стал добиваться от нее не только правильного произношения, но и правильного написания имен знаменитых мастеров. Девочка не сопротивлялась, а, напротив, впитывала все, как губка, и бережно сохраняла в памяти каждую крупницу полученной от отца информации. Симон очень гордился дочкой. И все сильнее любил жену, которая серьезно заболела через три года после рождения ребенка.

Поначалу болезнь Марджори оставалась для всех загадкой и повергала в недоумение врачей. Втайне Симон надеялся, что причина носит психосоматический характер. Он не умел реагировать на людские хвори и немощи и считал, что все, что имеет физическую природу, может быть в конце концов преодолено. Но Марджори не только не могла справиться с болезнью, но и делалась слабее день ото дня. Лишь через год ей наконец был поставлен диагноз, для чего пришлось ехать в Лондон, а затем его подтвердили и нью-йоркские доктора. У нее оказалось редкое заболевание, поразившее нервную и мышечную ткань. Со временем должно было произойти полное разрушение легких и сердца. Симон не принял такого прогноза, а Марджори отреагировала на него стоически,

старалась не жаловаться, проводила как можно больше времени — когда была в силах — со своим мужем и дочкой, а в промежутках отдыхала. Болезнь не сломила ее дух, но, как и предсказывали врачи, тело не устояло. К тому моменту, как Саше исполнилось семь, Марджори уже не вставала с постели, а в девять лет девочка лишилась матери. Симона, хотя его и предупреждали врачи, смерть жены повергла в оцепенение. Как и Сашу. Родители никак не готовили ее к этому неминуемому событию. И Саша, и Симон привыкли к тому, что Марджори живо интересуется всеми их делами и принимает участие в их жизни, даже будучи прикованной к постели. И внезапное осознание того, что ее больше нет, поразило их как молния и сблизило еще тесней. Теперь Саша стала занимать в жизни отца не менее важное место, чем его галерея.

Саша росла, вбирая в себя искусство во всех мыслимых формах. Она жила им, была поглощена без остатка и обожала всеми фибрами души. Так же как и отца. К Симону она испытывала не меньшую преданность, чем он к ней. Еще будучи ребенком, она знала о галерее, о выставленных в ней непростых, замысловатых полотнах ничуть не меньше, чем любой из работающих здесь специалистов. Порой Симону казалось, что эта маленькая девочка разбирается в живописи куда тоньше, чем все его сотрудники, вместе взятые. Единственное, что его тревожило (и он этого не скрывал), — это то, что Сашей все больше овладевала страсть к современному искусству и модерну. В особенности его бесила современная живопись, и он не сте-

снялся называть ее мусором и наедине с дочерью, и при посторонних. Любви и уважения достойны были только старые мастера, никто больше.

Как когда-то отец, Саша окончила Сорбонну и получила диплом магистра по специальности «история искусств». Это была ее своеобразная лицензия. После этого она выполнила данное матери обещание, поехала в Нью-Йорк и защитила диссертацию в Колумбийском университете. Потом два года отработала интерном в Метрополитен-музее, на чем ее образование можно было считать законченным. Все эти годы она часто навещалась в Париж, иногда просто на выходные, а Симон при каждой возможности навещал ее в Нью-Йорке. Заодно он виделся со своими клиентами, ходил по американским музеям, посещал коллекционеров. Он не мог жить без дочери и использовал для встречи каждый повод. Больше всего на свете он хотел, чтобы Саша вернулась домой. Все годы, что она жила в Нью-Йорке, Симон проявлял повышенную раздражительность и нетерпимость к окружающим.

Но чего Симон совсем не ожидал, так это появления в жизни дочери Артура Бордмана. Саша познакомилась с Артуром в первые дни своей аспирантуры в Колумбийском университете. Ей тогда было двадцать два. Не вняв протестам отца, уже через полгода она выскочила замуж. Поначалу Симон пришел в ужас от столь раннего замужества. Единственным утешением было обещание зятя перебраться в Париж, как только Саша закончит учебу и практику в Америке. Симон только что не

заставил его поклясться кровью. Но он не мог не признать того, что его дочь счастлива, как никогда. С течением времени Симон убедился в том, что Артур хороший человек и самый подходящий муж для его дочери.

Артуру Бордману было тридцать два года, на десять лет больше, чем Саше. Он окончил Принстон, а бизнес-администрированию учился в Гарварде. Теперь он занимал солидный пост в одном инвестиционном банке на Уолл-стрит, который — очень удобно — имел отделение в Париже. Почти сразу после женитьбы он начал прощупывать почву на предмет перевода в этот филиал на правах управляющего. Через год у молодых родился сын, Ксавье. А еще через два года — дочь Татьяна. Но, несмотря на рождение детей, Саша не давала себе ни малейшего послабления в учебе. К счастью, оба ребенка появились на свет летом, когда у нее были каникулы. А потом ей стала помогать няня. Еще с детства, наблюдая, как отец управляет галереей, Саша научилась не бояться дел и забот. Ей нравилась ее насыщенная жизнь, а мужа и детей она просто обожала. Симон поначалу был не готов к роли дедушки, но очень скоро он всей душой привязался к своим очаровательным внукам.

Каждую свободную минуту Саша проводила с детьми, пела им те же песни и играла в те же игры, что узнала от своей матери. Маленькая Татьяна была так похожа на бабушку, что Симона это поначалу пугало, но, когда девочка стала подрастать, он стал находить неизъяснимое удовольствие в том, чтобы просто сидеть и смотреть на копию